

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Эльвира Ринатовна Гатиатуллина, к. филос. н., доц. кафедры психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин

Тел. (495) 783-68-48, e-mail: elvira_gatiatull@mail.ru

Александр Николаевич Орлов, старший преподаватель кафедры психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин, магистрант второго курса «Государственное и муниципальное управление»

Тел. (495) 783-68-48, e-mail: elvira_gatiatull@mail.ru

Московский университет им. С.Ю. Витте

<http://www.muiiv.ru>

Статья посвящена проблеме маргинализации. Раскрывается значение терминов «маргинализация», «маргинальность», «маргинальный». Рассматриваются маргинальные группы в современном российском обществе, их основные черты, методология анализа социального пространства и социального времени.

Ключевые слова: маргинальность, маргинализация, демаргинализация, культура, положительная обратная связь, отрицательная обратная связь, современность, социальное время, социальное пространство, информационное общество, сетевое общество, идентичность, глобализация мира.

Как известно, состояние современной цивилизации осознается не иначе как «пороговое», как преддверие смены всех форм жизнедеятельности человека от экономико-технологических и социально-структурных до экзистенциальных. Соответственно, и в роли главных мер бытия человека и социума ныне чаще всего выступают масштабы, темпы (динамика) и многообразие перемен, коими охвачены базовые сферы жизни – культура, технология, познавательная практика, экономика, социально-политическая организация, коммуникативные отношения [18]. При этом динамика перемен такова, что проблематичной является сама возможность выразить суть, дух, облик, структуру и темпоральность «предстоящего» (вот-вот грядущего) социального бытия. На это претендует целая вереница определений – постиндустриальное, информационное, или же креативное общество (как ныне все чаще говорят), «эпоха постэкономики», «общество знаний» и даже «эпоха постчеловека». Очевидно, что этот необычайно динамичный процесс тектонических сдвигов и перемен в бытии человека, общества и культуры, что ныне происходит на наших глазах в общем контексте глобализации мира (социального бытия), предстоит преломить, прежде всего, через категории «социальное пространство» и «социальное время», их смысловое содержание [15].

Мы попытаемся раскрыть острые проблемы маргинализации как социального феномена в контексте современных глобальных процессов.

После выхода нашумевшего эссе Р.Э. Парка «Человеческая миграция и маргинальный человек» [3, с. 135] о феномене маргинальности было написано немало работ. На протяжении многих лет обсуждения эта тема актуальна и все ещё себя не исчерпала. До сих пор нет даже конвенционально общепринятого мнения о том, что представляет собой маргинальность как явление. Даже такая, казалось бы, давно «отжившая» трак-

Э. Р. Гатиатуллина

А. Н. Орлов

товка маргинальности, когда она понимается как «что-то аномальное», «выпадающее из нормы», до сих пор сохраняет свою значимость.

Сейчас уровень понимания этого феномена все еще недостаточен для того, чтобы можно было строить прогнозы и влиять на процессы маргинализации. Одной из причин, возможно, является неясность механизма маргинализации. В публикациях встречаются лишь рассуждения сугубо гуманитарного характера. Этот феномен связывают, в частности, с пассивной реакцией некоторых людей на несоответствия внешнего мира внутреннему, с психологической регрессией либо с глубокой рефлексией собственной значимости. Никаких попыток конкретного, рационально-эмпирического обоснования этого явления нам встретить не удалось. В данной статье предлагается возможная модель механизма маргинализации с позиции постнеклассической методологии [4].

Аналогичными механизмами нелинейного взаимодействия с раздражителями обладают все живые организмы. Фритьоф Капра по этому поводу отмечает: «Пнуть камень и пнуть собаку – это две совершенно разные истории, как любил отмечать Григори Бэйтсон. Камень будет реагировать на пинок согласно линейной причинно-следственной цепочке. Его поведение может быть просчитано на основе фундаментальных законов ньютоновской механики. Собака ответит структурными изменениями согласно своей собственной природе и (нелинейному) паттерну организации» [16]. Сам Г. Бэйтсон это объяснял тем, что в первом случае энергию камню передает человек, во втором случае собака сама использует внутреннюю энергию. Главное отличие любой неравновесной системы (например, собака) от равновесной (например, камень) заключается в неадекватности реакции на внешнее воздействие. В той же мере это относится и к человеку, его реакции на внешние флуктуации чрезвычайно разнообразны, но все они могут быть сведены к следующим основным типам:

- 1) активно-приспособительная;
- 2) активно-защитная;
- 3) пассивно-приспособительная;
- 4) пассивно-защитная (адаптивная);
- 5) пассивно-защитная (инадаптивная).

Остановимся более подробно и раскроем суть данных определений.

Активно-приспособительная реакция заключается в ряде мер на адаптацию к флуктуационному воздействию путём включения самого себя в среду в качестве не антагонистичного ей, а уже гармонично включенного в неё. Из всех форм ответа на пресс факторов маргинализации эта форма является самой успешной, при которой если маргинальность и имеет место, то очень быстро уходит через активную демаргинализацию, исходящую от самого человека. И только в самых редких случаях, когда воздействие со стороны общества особенно враждебно, человек не может самостоятельно выйти из внутренней маргинализации. Впрочем, в последнем случае такая реакция неизбежно переходит в активно-защитную форму.

Активно-защитная реакция также заключается в волевом целенаправленном ответе на внешнее отрицательное воздействие. Но таковой ответ на внешний вызов будет выражаться уже не в приспособлении к внешнему воздействию, а, напротив, в активном противодействии ему, не во включении себя в качестве гармоничной части в новую чуждую среду, а в создании собственной, изолированной от этого начала, автономной среды. Здесь сам процесс маргинализации может перейти в неконтролируемый процесс все большей, нелинейно растущей маргинализации, когда отчуждение общества приводит человека к ещё большей закрытости от него, что приводит общество к отчуждению и т.д. (причинно-следственная петля по принципу положительной обратной связи). Такие люди могут быть как чрезвычайно опасны для общества, поскольку такие ответы часто связаны с отклоняющим (девиантным) поведением, так и, напротив, чрезвычайно полезны, если удастся найти приложение их агрессивной активной позиции в качестве противодействия окружающему отчуждению общества от себя. Если

сублимировать психическое напряжение, то это не только снимет нарастание маргинализационного фона, но и даст возможность реализации вполне позитивных созидательных начал. Именно эта категория людей требует особенно пристального внимания со стороны общества и именно здесь демаргинализация особенно актуальна [17].

Пассивно-приспособительная реакция, пассивные формы реакций на маргинализацию, в отличие от активных форм, чаще бывают опасны не столько обществу, сколько самому человеку. Поэтому в подобных случаях гораздо чаще требуется не общество спасти от маргинала, а самого маргинала от общества. Пассивная реакция, в отличие от активной, не предполагает каких-либо противодействий, а является попыткой, ничего не предпринимая, только лишь включиться в новый культурный ритм, отдаться новому течению. Человек пытается приспособиться к чуждому окружению, не меняя самого себя, в отличие от активных форм, и не влияя на источник маргинализации, в отличие от пассивно-защитной реакции (см. ниже).

Приспособительная позиция чаще всего спасает человека от маргинализации, хоть и не сразу, помогает ему так или иначе включиться в новую среду и влиться в неё, не противопоставляя себя ей. Но это зависит от целого ряда факторов, связанных как с самим человеком, так и с обществом. Проблема в данном случае решается легко, но только при участии самого общества, в противном случае сам человек не способен выйти из порочного круга все более глубокой маргинализации, когда отторжение обществом маргинала вызывает ещё большую его маргинализацию, после чего отторжение становится ещё более сильным и т.д. [9].

Пассивно-защитная (адаптивная) реакция – маргинал в данном случае ненавязчиво, мягко пытается выпутаться из нарастающего отчуждения обществом. Пытается самостоятельно найти компромиссные, неантагонистичные модели поведения, влияющие на сам источник воздействия. Здесь маргинализация протекает мягче, и человек теоретически готов самостоятельно выбраться из этой петли все большей маргинализации в ответ на воздействие со стороны общественного окружения. Такие люди довольно легко могут ответить успешной демаргинализацией в случае, если среда не будет отвечать агрессивным воздействием. Тут достаточно действовать по принципу «не навреди».

Пассивно-защитная (инадаптивная) реакция – при такой модели поведения маргинал просто замыкается в себе. Он не пытается найти решение проблемы собственной отчужденности, а напротив, ещё больше закрывается. Когда говорят и пишут о маргиналах, то чаще всего подразумевают именно эту модель маргинализации, однако, как мы видим, она далеко не единственная. Как и прочие пассивные модели маргиналов, эти чаще представляют опасность только для самих себя, если маргинализирующее давление извне перманентно и без резко усиливающихся всплесков.

Попыток дать рациональное обоснование непосредственного механизма маргинализации личности и социальных групп практически не было. Во всяком случае, мы встречали в различных публикациях только общие рассуждения типа: «замыкание в собственном личностном пространстве», «внутреннее отчуждение», «глубокая рефлексия на почве осознания чуждости окружения» и т.д. Как и почему это происходит, не объясняется. Мы попытаемся дать объяснение механизма маргинализации посредством феномена, который проявляется, по нашему образному выражению, в эффектах «бутылочного горлышка» и «песочных часов» [8].

«Эффект бутылочного горлышка» и «эффект песочных часов». Такое явление, как «эффект бутылочного горлышка», довольно хорошо известно в синтетической теории эволюции (СТЭ). Это явление «генетического дрейфа», когда при резком сокращении численности снижается и генетическое разнообразие популяции [2, с. 35]. Насколько нам известно, никто ранее не приводил доводов в пользу действия подобного эффекта на маргинализирующиеся личности и общества. В случаях катастрофического сокращения численности популяции она как бы проходит через узкое бутылочное горлышко и остаётся лишь небольшая часть особей (одна пара). Затем численность

популяции вновь может восстановиться, но, по понятным причинам, генетическое разнообразие при этом необратимо снижается. Аналогичному испытанию подвергается, по нашему мнению, и внутренний духовный мир маргинала.

Когда человек попадает в чуждую для себя культурную среду, его духовные и моральные приоритеты, привычки, реципрокные модели поведения, симпатии и антипатии и т.д. подвергаются серьёзному испытанию на адекватность в новом культурном пространстве. То есть, выражаясь кантовским языком, его старые максимы вступают в конфликт с новыми императивами. Действие «эффекта бутылочного горлышка» в данном случае связано с тем фактом, что человеку подчас терять многие свойства характера и привычки намного легче, нежели приобретать новые, особенно с возрастом. Он попросту отбрасывает за ненадобностью ненужный балласт духовного багажа, оставляя только ручную кладь того, что наиболее дорого, либо прошедшее испытание на прочность. Получается, что человек и здесь как бы проходит через бутылочное горлышко и выходит в гораздо более узком мире внутреннего комфорта.

Не все личности так остро реагируют на данную проблему. Некоторые довольно легко находят замену в новых ментальных формах культурного общежития. В последнем случае мы получаем «эффект песочных часов», когда после демаргинализации личность вновь наполняется разнообразными формами социальной адаптивности, только теперь уже в новом для себя культурном окружении. Но маргиналами остаются лишь те, кто так и остался в своём зауженном горлышке.

Понимание – это первый шаг к решению проблемы, а проблема чрезвычайно сложна, особенно в современную эпоху, когда маргинализуется значительная часть общества. Необходимо только лишь «эффект бутылочного горлышка» свести к «эффекту песочных часов». Остаётся только выяснить, как это сделать, и разработать соответствующие сценарии [11].

Таким образом, встаёт вопрос об идентичности социального пространства и социального времени, а точнее, многообразия их форм и содержания. Поясим эту мысль на примере *социальной идентичности*. Особенности социального бытия (эпохи, исторического момента), так или иначе, находят преломление в идентичности социальных факторов, поскольку идентичность человека есть некий вариант агрегации и констелляции конкретным индивидом смыслов бытия, форм культуры и социальности, мотиваций к действиям, ценностных позиций и поведенческих схем в средовых условиях коммуникации, интеракции и деятельности «здесь и сейчас», а точнее, в данную историческую эпоху [12].

Поскольку персоналистические формы культуры и культурного бытия стали возможны (санкционируемы социумом) лишь с выходом на историческую арену ранних форм европейского капитализма, на предшествующих этапах истории человек был вынужден оставаться в рамках социально-культурной идентичности, «данной ему от рождения», с учётом его сословной и классовой принадлежности, исповедуемой религии, этнического происхождения. Подобная идентичность, которая может быть определена как «сакрально-вменённая», не оставляет места для самобытности личности и в этом плане лишь весьма условно может именоваться персональной [5].

Однако по ходу времени (по мере развития капитализма, дифференциации социума и форм социального бытия) складывается новый тип персональной идентичности человека – «корпоративно-трансформативный», отражающий появление социальных лифтов, вариантов культурного выбора и самоопределения. А с начала двадцатого века в общем контексте динамики социального бытия, а также развития средств и форм коммуникации формируется современный модус персональной идентичности, который может быть определён как «коммуникативно-спектральный», поскольку выражает беспримерную мобильность человека наших дней (ментальную, ценностную, профессиональную, культурную, пространственно-временную, поведенческую) и решающую роль информационных потоков и коммуникативного давления в жизни человека [6].

Дело в том, что против устойчивого существования структуры персональной идентичности работают едва ли не все современные формы и механизмы информационного бытия человека: рынок, Интернет, массовая культура, агрессивный напор политических и рекламных технологий, поскольку они предлагают множество заранее выстроенных и подаваемых в красочной форме комбинаций смыслов, ценностей, жизненных ориентиров.

В этой ситуации маргинализация как социальный феномен неизбежно обретает не только множественный, но и абберирующий, мерцательный, крайне неустойчивый характер, внушаемый действием привходящих факторов (малой социальной группой, модой, СМИ, политическими и культурными технологиями). В этом контексте формы социального бытия человека и их пространственно-временные измерения с неизбежностью обретают множественный и изменчивый характер, требуя введения в методологию социального пространства конкретизирующей меры «идентичность» [1].

Однако существует ещё один фактор, который оказывает значимое влияние на современные социальные процессы, на структуру глобального социального бытия – это этнический фактор [10]. При этом роль этнического фактора в современных цивилизационных процессах двояка. С одной стороны, этнос (этнический социум) является серьёзным препятствием на пути унификации и нивелирования культур в ходе глобализации, поддерживая, таким образом, культурное разнообразие в мире – один из источников социального развития [14]. С другой – под напором процессов глобализации этнос утрачивает культурную герметичность, все активнее включается в глобальные потоки трудовой и культурной миграции, порождая новые формы социального и культурного бытия, в частности феномен «сквозного присутствия этнического фактора» в глобальном социальном бытии мира, когда японская или итальянская кухня может встретиться в Нью-Йорке или в Москве, а мелос азиатских этносов становится модным элементом музыки современного европейского композитора. В итоге этнический фактор также выступает в роли структуратора глобального социального бытия, а значит его главных мер – социального пространства и социального времени [13].

Использование категории «идентичность» создаёт принципиально новые возможности в плане осмысления специфики социального пространства и времени в условиях глобализации мира и становления информационного общества, поскольку обширная маркерная структура идентичности позволяет дифференцированно отражать особенности социального времени и социального пространства «здесь и сейчас» [7].

В общем контексте процессов глобализации мира меняется и характер взаимной детерминации социального времени и социального пространства, если до недавних пор главная тенденция социального времени усматривалась в ускорении его «хода» (соответственно, в росте динамики темпо-ритмов социальной экзистенции и социальных форм), то в условиях современной сверхдинамичной глобализации социального бытия объективной мерой социального времени (взамен календарных измерителей) становится мощь потоков движения в социальном пространстве вещества (товаров, услуг), энергии и информации, опосредуемая новыми формами социального бытия (в числе которых глобальный рынок, транснациональные корпорации, электронные биржи и деньги, Интернет и др.).

Литература

1. *Гатиатуллина Э.Р.* Молодёжные субкультуры как аспект российской трансформации // Вестник Российского философского общества. – М., 2010. № 4 (56). С. 178-79.
2. *Алтухов Ю.П.* Генетика популяций и сохранение биоразнообразия // Соросовский образовательный журнал. – М., 1995. № 1. С. 32-33.
3. *Гатиатуллина Э.Р.* Идентичность как категория социальной философии. Дисс. ... канд. филос. наук. – Нальчик, 2012.
4. *Гатиатуллина Э.Р.* Идентичность как мера психических процессов и форма интeрсубъективности // Труды членов Российского философского общества. Вып. № 17. – М., 2010. С. 364-368.

5. *Гатиатуллина Э.Р.* Идентичность как способ репрезентации // Сборник научных статей молодых преподавателей и аспирантов. – М.: НОУ ВПО «МУ им. С.Ю. Витте», 2013. С. 58-63.
6. *Гатиатуллина Э.Р.* Идея идентичности в философской мысли античности и средневековья // Материалы Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Перспектива-2010». – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010. Т. II. С. 55-58.
7. *Гатиатуллина Э.Р.* Маркерные составляющие готической субкультуры // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. – Нальчик, 2012. Т. 14. № 1. С. 169-172.
8. *Гатиатуллина Э.Р.* Основные философские категории // Молодой учёный. – Чита, 2011. № 1 (24). С. 117-118.
9. *Гатиатуллина Э.Р.* Проблематика и истоки исследования социальной идентичности // Научные проблемы гуманитарных исследований: научно-теоретический журнал; Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. Вып. № 3. – Пятигорск, 2011. С. 269-274.
10. *Гатиатуллина Э.Р.* Проблемы изучения неформальных групп // Наука и устойчивое развитие: Сборник статей III Всероссийской научной конференции. – Нальчик: КБИГИ, 2009. С. 197-203.
11. *Гатиатуллина Э.Р.* Становление этничности как формы социальной идентичности // Социология образования. Вып. № 3. – СГУ, 2011. С. 82-89.
12. *Гатиатуллина Э.Р.* Сущность философских категорий // Наука и устойчивое развитие: Материалы V Всероссийской научной конференции. – Нальчик: Принт Центр, 2011. С. 145-148.
13. *Гатиатуллина Э.Р.* Феномен современной молодежной субкультуры // Актуальные социально-экономические и правовые проблемы развития России: Материалы X Международной научно-практической конференции. – М.: МФЮА, 2012. С. 312-317.
14. *Гатиатуллина Э.Р.* Электронное государство как феномен политической идентичности // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. – М., 2013. № 2. С. 38-42.
15. *Тхагапсоев Х.Г., Гатиатуллина Э.Р.* Идентичность: к проблемам методологии // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ. Вып. № 4 (64). – Ростов-на-Дону, 2010. С. 16-23.
16. *Тхагапсоев Х.Г., Гатиатуллина Э.Р.* К неудобствам с идентичностью // Научные проблемы гуманитарных исследований: научно-теоретический журнал; Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. Вып. № 11. – Пятигорск, 2011. – С. 253-259.
17. *Тхагапсоев Х. Г.* Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. 2011. №1. С. 10-26.
18. *Тхагапсоев Х.Г., Гатиатуллина Э.Р.* К неудобствам с идентичностью // Глобальный научный потенциал: научно-практический журнал. – Санкт-Петербург, 2012. № 1 (10). С. 253-259.

Marginalization as Social Phenomenon in Context of Modern Globalization Processes

This article is dedicated to the problem of marginalization. The meanings of such terms as “marginalization”, “marginality”, “marginal” are disclosed. The article considers the basic marginal groups existing in the contemporary Russian society, describes their main features, methodology for analysis of social space and social time.

Key words: *marginality, marginalization, demarginalization, culture, positive feedback, negative feedback, modernity, social time, social space, information society, network society, identity, world globalization.*

Gatiatullina Elvira Rinatovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Psychology, Pedagogy and Social-Humanitarian Disciplines Department, Moscow University after S.Yu.Witte

Orlov Aleksandr Nikolaevich, Senior Lecturer of Psychology, Pedagogy and Social-Humanitarian Disciplines Department, second-year graduate of State and Municipal Management Faculty, Moscow University after S.Yu.Witte